

Только у нас

Давид Голощекин: «Джаз — моя жизнь»

Виктор КОСТЮКОВСКИЙ,
Санкт-Петербург

«Голощекин Давид Семенович. 10.06.1944... Выдающийся российский джазовый музыкант, мультиинструменталист (играет на скрипке, фортепиано, электрооргане, вибратоне, контрабасе, ударных, саксофоне и флюгельгорне), руководитель ансамбля, аранжировщик и композитор. Художественный руководитель Санкт-Петербургской филармонии джазовой музыки. Народный артист России (1999). Один из лучших и самых влиятельных представителей мэйнстрима в России».

(Владимир Фейертаг.
«Джаз в Петербурге.
Who is who».
С.-Петербург, 2004).

— По-моему, Давид Семенович, среди джазменов много долгожителей. Наверное, профессия такая радостная, положительных эмоций много?

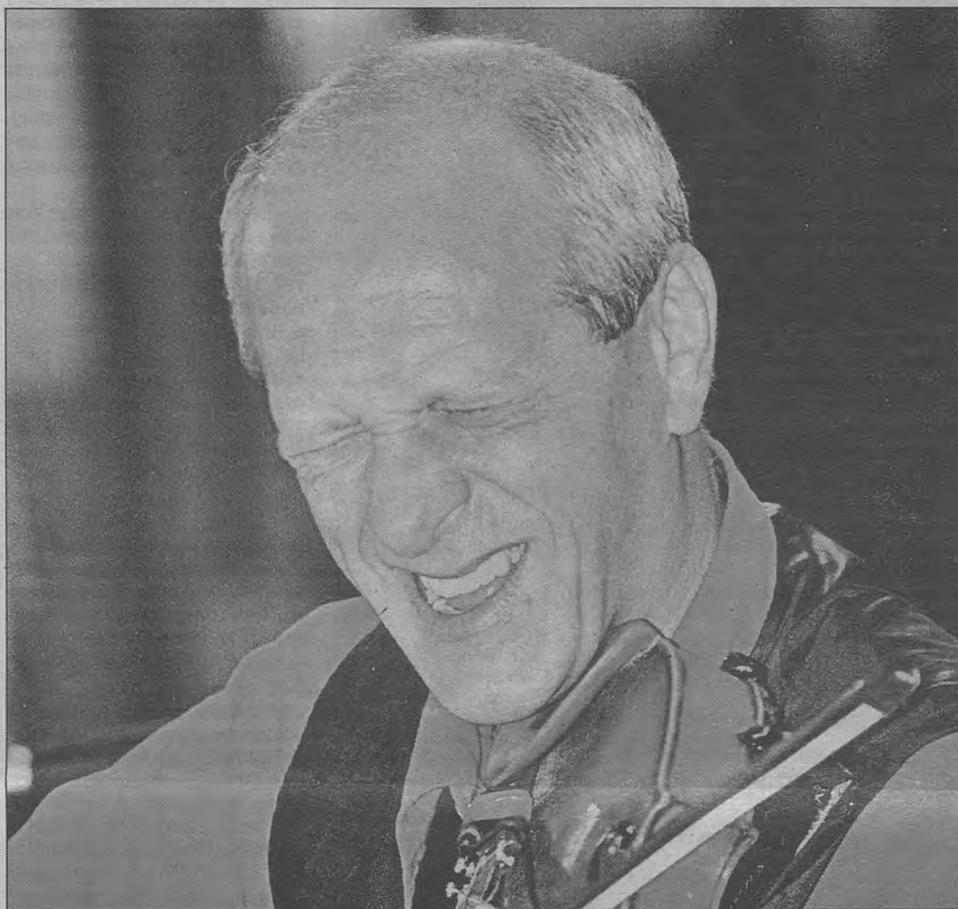
— Да? Я что-то... А, понятно, это вы перед моим шестидесятилетием хотите пилюлю подсластить, мол, какие наши годы... Нет, ну есть, конечно, Юби Блэйк прожил сто лет, Лайонел Хэмптон почти 95, Бенни Картер, по моему, 96.

— Могу добавить: Сэм Вудинг дожил до 96, Док Читэм до 92, причем играл в бэнде за несколько дней до смерти.

— Я вообще-то мог бы и обратные примеры привести, так что никакой закономерности тут, видимо, нет. А профессия — да, можно сказать, что радостная. Впрочем, тут все от человека зависит. Если он работает с удовольствием — да, это продляет жизнь. И, главное, не прекращает работать, не останавливается. Я не специалист, но мне кажется, что если мозг, душа человека трудятся, то у него и клетки как-то интенсивнее обновляются.

— Ну вы-то не останавливаетесь...

— Да, мягко говоря. В последние годы очень много езжу, гастролирую, особенно по России. Недавно был в Архангельске, Казани, Новосибирске, Новокузнецке. Только что из Иркутска, с фестивалем, отыграл концерт на полтора часа, а потом еще на ночном сэйшнзе играл часа, кажется, три, практически не переставая. Обстановка, атмосфера действуют. Вот что такое гастроли — ну трудно же: перелет, недосып... Но стоит выйти на сцену, взять инструмент, и никакой усталости. Никогда не было такой мысли — вот, черт, скорей бы концерт закончился! Тут вы правы, профессия такая, что работаешь с удо-

Интервью с пояснениями и цитатами

вольствием. Значит, и живешь так же, ведь джаз — моя жизнь.

— Сколько вы знаете стандартов?

Стандарт — это тема, мелодия. Музыканты мэйнстрима — классического джаза — играют чаще всего их. Но исполнительство в джазе никогда не ограничивается воспроизведением темы, это обязательно собственная ее интерпретация и многочисленные импровизации. Любителей джаза привлекает, с одной стороны, узнаваемость стандарта, а с другой — каждый раз новое исполнение, повторы невозможны. Это же определяет и особое поведение слушателей: они аплодируют, узнав тему и после каждой сольной импровизации, а иногда и во время нее, услышав удачный пассаж, неожиданный ход.

— Несколько сотен. Где-то 500—600 знаю точно.

— Наверное, джазмен мог бы обходиться сотней? В кон-

церте-то больше двух десятков редко играется.

— Э-э, нет! Это любитель может себя ограничить, а профессиональный музыкант... Вот смотрите, я ведь часто гастролирую без своего ансамбля, один. Как это происходит? Мне звонят ребята, которые приглашают: что будем играть? Пришлите «лист». Я говорю: «Ребята, никакого «листа» я вам присылать не буду. Во-первых, не люблю загонять себя в рамки, в шоры, джаз — все-таки свободная штука, в том числе и в выборе того, что играешь. Выбирайте, говорю, два — два с половиной десятка стандартов, в которых вы ориентируетесь, которые любите, причем в любой тональности, какая вам привычнее». Моего запаса хватит на любой случай. Порой выходим на сцену безо всяких репетиций, это чем-то даже интереснее.

— А не бывает так, что приезжаете, встречаетесь с музыкантами и вдруг чувствуете, что с ними дело не пойдет?

— Я все-таки играю с теми, кого уже более-менее знаю. Скажем, знаю, что по крайней мере пианист смо-

жет и поддержать меня, и ответить мне. Кстати, о запасае стандартов — как я смог бы без такого запаса играть с великими музыкантами на фестивалях, в джаз-клубах, например, в Америке?

«Как джазовый солист Голощекин гастролировал во многих странах мира, в том числе неоднократно в Соединенных Штатах Америки. Ему довелось выступать вместе с Диззи Гиллеспи, Дейвом Брубеком, Бенни Голсоном, Полом Хорном, Уинтоном Марсалисом, Монти Александером, Билли Эйлором, Джоном и Бакии Пиццарелли и другими мировыми знаменитостями».

Владимир Фейертаг.
«Джаз в Петербурге.
Who is who».

— Но я видел и слышал, как вы свободно схватываете авторские вещи, заведомо вам неизвестные, как будто перед этим репетировали...

— Приходится и так, тут уж ориентируешься по теме, по стилю автора-музыканта, манере его игры, чтобы не «выпасть». А еще важно, с

одной стороны, себя показать, то есть что-то свое в импровизации на только что услышанную тему, а с другой, быть тактичным, не тянуть одеяло на себя. Но и это было бы невозможно без знания многочисленных джазовых стандартов.

— Нужно ли джазовому музыканту образование?

— Необходимо!

— А вот замечательный пианист Григорий Файн мне как-то сказал, что джазмену образование вредит...

— Да ну, Гриша сам Гнесинский институт окончил. Я понимаю, что он хотел сказать, просто неточно выразился. Ты хоть три консерватории пройди, но если не джазмен — все, хоть умри. Просто надо каждому своим делом заниматься. Вот сравним того же Гришу и, например, Даниила Крамера, кстати, один институт окончили. Даниил — превосходный пианист, замечательный и импровизатор, но не джазмен. А Гриша Файн — джазмен стопроцентный. Или Леонид Чижик — какая виртуозная техника, какая фантазия, какие импровизации! А джаза, свинга там мало... Нет, по меньшей мере среднее музыкальное образование просто необходимо, другое дело, что оно само по себе все равно не даст чувства джаза.

— Нынешний «Свинг белой ночи» будет, кажется, уже одиннадцатым?

— И последним. Вот это большая для меня тема. Помните, ведь как он рождался — я задумал этот фестиваль накануне своего пятидесятилетия (кстати, очень логично именно сейчас все это и закончить). Но не столько для того, чтобы самому отметить круглую дату, сколько для города. Мне хотелось, чтобы Петербург стал настоящим европейским джазовым центром. Он заслуживает этого, вы же знаете, какие у нас музыканты, какая публика, какие, наконец, традиции... Да, я знал, что сразу дело не делается, что полноценным он станет только где-то к шестому-седьмому разу. Но международный фестиваль требует средств, потому что без джазовых звезд он невозможен, а это и звездные гонорары, проезд, размещение... Да, городская власть приняла это с энтузиазмом, моральной поддержкой сколько угодно. Но самой большой трудностью стал поиск средств. Конечно, что-то нам удавалось, у нас на «Свингах» играли Билл Скит, Монти Александер со своим трио, Билли Эйлор, Тим Стронг, другие музыканты. Но чаще всего меня выручают просто мои друзья, вот приезжают по дружбе и игра-

ют практически бесплатно. Каждый год подготовка начинается с унизительного обхода банков, фирм... И оказалось, к моему разочарованию, что среди бизнесменов, по-настоящему богатых людей в нашем городе нет любителей джаза.

— Как же, ведь вам постоянно помогают Борис Рыдаев, Сергей Алексеев...

— Да, и только они двое! Причем что они — олигархи? «Питер-Лада», «Ленэкспо» — не такие уж они богатые, но помогают постоянно. Да просто оба сами играли в молодости, любят джаз. Но сколько же можно ездить на них двоих?

— А как же власть? Ведь Валентина Ивановна Матвиенко причастна к рождению филармонии...

В Петербурге шестнадцатый год работает уникальное (не только для России) учреждение — Филармония джазовой музыки. Джаз-клубов, джаз-кафе и т.д. в мире множество, но государственный, бюджетный джазовый концертный зал — один! Вернее, два: помимо большого зала, который называется «Jazz Philharmonic Hall», есть еще малый «Эрлингоновский зал», в котором проходят камерные концерты «при свечах». Голощекин получил для филармонии помещение бывшего кинотеатра «Правда» при помощи тогдашнего зампредагорисполкома Валентины Матвиенко.

— Мы почитаем ее как нашу, можно сказать, «родительницу», но не могу же я пойти к губернатору и... Что я ей скажу? Мол, заставьте кого-нибудь нам помочь, прикажите дать нам деньги, что ли? Не могу я так, язык не поворачивается! В конце концов это же не моя специальность — деньги просить. Я могу организовать, устроить, но еще и это... нет, больше не могу. Мы ведь помним «Свинга» каждые два года проводим «Осенний марафон» — конкурс молодых джазменов, который уже дал, не побоюсь сказать — городу и России — таких изумительных музыкантов, как гитарист Гасан Багиров, саксофонист Игорь Тимофеев, пианист Сергей Григорьев, уникальный исполнитель на губной гармонике Максим Некрасов — да всех не перечислить. Проводим детские фестивали «Джаз-Парнас». С недавних пор у нас пошли скромные зимние фестивали «Питер-Лада Jazz». Но брэнд «Международный фестиваль «Свинг белой ночи»... С ним надо заканчивать, Петер-